

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПРОЖИВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ: (НЕ)ОЧЕВИДНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Анна Александровна Эндрюшко

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

anna.endryushko@mail.ru,
ORCID 0000-0002-1358-1145

Для цитирования: Эндрюшко А. А. Длительность проживания и интеграция мигрантов: (не)очевидные взаимосвязи // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 147–168. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.7. EDN YOWZWA.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи длительности проживания и типа миграционных стратегий с различными аспектами интеграции мигрантов из постсоветских государств в российском обществе. Анализируется, как в разные временные интервалы (до пяти лет, через 5–10 лет, после 10 лет с начала миграции) происходят улучшения в статусе, качестве жизни, транснациональных связях (применительно к интеграции, уменьшение их «плотности»), языковых навыках, межэтнических контактах, формировании российской идентичности у долгосрочных и циркулярных внешних мигрантов. Используется модель исследования, включающая «соответствующие условия» по каждому индикатору интеграции. Эмпирическую базу составили данные общероссийского опроса трудовых мигрантов, проведённого Центром этнополитических и региональных исследований в 19 субъектах Российской Федерации (2017 год, выборка 7417 респондентов). Результаты показывают, что изменение статуса и частоты межэтнических контактов не связано с продолжительностью проживания ни у долгосрочных, ни у циркулярных мигрантов, даже при добавлении в анализ условий интеграции. «Плотность» транснациональных связей значимо меняется во времени (пик приходится на промежуток 5–10 лет после начала миграции, спустя 10 лет уменьшается), однако интерпретация этой связи требует дальнейших исследований. «Время» положительно связано с такими индикаторами интеграции, как языковые навыки, качество жизни, формирование идентичности. Эти взаимосвязи не исчезают при включении в анализ «соответствующих условий» интеграции, однако делается вывод о том, что длительность проживания сама по себе не является фактором прогресса в интеграции, а действует «совместно» с контекстом миграции, мотивацией субъектов, их индивидуальными возможностями и доступными ресурсами, определяющими траекторию и темпы интеграционного процесса.

Ключевые слова: миграция, интеграция мигрантов, длительность проживания, долгосрочная миграция, циркулярная миграция, индикаторы интеграции

Введение

Современные процессы международной миграции характеризуются неоднородностью этапов и ритмов, а высокая мобильность населения всё больше размывает границы между постоянной и временной миграцией. Долговременность нахождения в новых обществах зависит как от самих мигрантов, так и от государственных систем принимающих стран, регулирующих потоки и сроки. В свете усложнения этих процессов вопросы временных аспектов международной миграции, взаимосвязи времени и интеграции мигрантов также требуют переосмысления в конкретных социальных контекстах.

Интеграция мигрантов существует как минимум в двух измерениях: как политическая цель и как «хаотичная», «оспариваемая» и не до конца определённая академическая концепция [1; 2]. Интеграция рассматривается исследователями с разных сторон, но все подходы так или иначе сведены к вопросу о том, как мигранты¹ становятся (или не становятся) частью общества, в котором они живут.

Понимая, что время в процессах интеграции мигрантов работает неравномерно, в данном исследовании мы хотим ответить на следующие вопросы: является ли фактор длительности проживания существенно связанным с различными аспектами интеграции мигрантов? Является ли время релевантной переменной в вопросах интеграции мигрантов в российском обществе при условии упрощённых миграционных обменов на постсоветском пространстве?

Теоретические основания исследования

Длительность проживания и интеграция мигрантов. Традиционное понимание процессов интеграции мигрантов в принимающем обществе основывалось на линейном «путешествии» от иностранца к гражданину, от прибытия к ассимиляции. Социологи Чикагской школы полагали, что длительный контакт с доминирующей культурой приведёт к включению мигрантских групп в принимающее сообщество [3], и чем больше времени они проведут в стране приёма, тем больше будут ассимилированы и меньше связаны с государствами исхода [4].

Позднее стало понятно, что даже спустя длительный период проживания в новой стране культурная отличительность продолжает сохраняться, включение новых членов в общество происходит не в той степени, в которой ожидалось ранее [5]. Ассимиляция перестала восприниматься

¹ Здесь и далее в статье мы говорим об иностранных гражданах применительно к российскому контексту, и о рождённых в другом государстве применительно к американскому и европейскому случаям, термины «иммигрант» и «мигрант» используются как синонимы.

как обязательный путь для всех, даже длительно живущих в новом обществе иммигрантов.

С появлением концепции транснационализма¹ исследователи обратили внимание не только на включение мигрантов в принимающие общества, но и на сохранение ими обширных связей со странами происхождения [6]. Я. Питерс заключил, что транснациональные связи и глобальная мультикультура теперь позволяют людям перемещаться между двумя или несколькими поликультурными средами, и с течением времени самим определять степень включённости в каждое из сообществ, быть «гибкими» [7, с. 77]. «Гибкая аккультурация» (flexible acculturation) обеспечивает мигрантам множественные схемы идентификации и интеграции, которые могут быть изменчивы во времени, и не обязательно линейно.

В отечественных (постсоветских) исследованиях внешней для страны миграции вопрос о влиянии длительности проживания на процессы инкорпорирования новых членов общества затрагивался лишь косвенно. Адаптация и интеграция зачастую описываются в работах российских авторов как две стадии процесса включения новичков. Иммигрантам, приезжающим на длительный срок (на постоянное жительство), необходима интеграция, а временным мигрантам (находящимся в стране короткое время, только для заработка) нужна частичная или полная адаптация – языковая, культурная, социальная, экономическая [8, с. 225; 9]. Впрочем, учёные признают, что такое деление весьма условно, поскольку со временем вторые могут переходить в разряд первых [8]. В. Ю. Леденева строго определяет интеграцию как заключительную стадию адаптационного процесса для невозвратных мигрантов, проживших в стране длительное время и получивших гражданство [10, с. 723].

В. И. Мукомель делает вывод, что мигрантов можно считать условно адаптированными, если они длительное время проживают в России и перевезли сюда семью. Автор обращает внимание и на установки самих мигрантов – намерение остаться в России на долгий срок (в идеале – навсегда) он выделяет в качестве важнейшего фактора² более высокого уровня интегрированности мигрантов. И. М. Кузнецов также пишет о том, что «адаптивный сценарий (аккультурации и интеграции) реализуется с той или иной степенью успешности, если жизненные планы мигрантов идут дальше временного пребывания в принимающей среде» [11, с. 16].

Обобщить описанное выше можно выводом о том, что роль длительности проживания в процессах инкорпорирования мигрантов может

¹ Под транснационализмом в миграционных исследованиях понимается процесс, с помощью которого мигранты создают социальные поля, объединяющие страну исхода и страну проживания.

² Наряду с позитивной оценкой отношений с местными жителями и идентификацией себя с Россией.

во многом зависеть от теоретической парадигмы и операционализации исследователем самого понятия интеграции – как развивающегося во времени процесса включения в новую среду (зачастую понимаемого линейно) или как процесса постоянных «переговоров» и «согласований» между старыми и новыми нормами и принадлежностями.

Взаимосвязь длительности проживания с другими факторами интеграции. С развитием теоретических подходов к феномену включения мигрантов в новую среду, исследователи начинают говорить о необходимости многоаспектного анализа этого процесса, включающего индивидуальные и контекстуальные факторы.

В 1981 году немецкий социолог Х. Эссер показал, что продолжительность пребывания является важным фактором в интеграции мигрантов, особенно с точки зрения достижения статуса, знания языка, качества жилья, десегрегации, межэтнических контактов и этнической идентификации [12]. Связь между интеграцией мигрантов и длительностью проживания в стране приёма не исчезает при контроле «соответствующих условий» интеграции, таких как мотивы мигрантов, уровень их образования, условия принимающей среды [12, с. 77].

Т. Кульман позднее заключил, что на результаты интеграции влияет следующий набор переменных: характеристики самих мигрантов (*migrants factors*), факторы миграции (*migration factors*), факторы принимающего общества (*host factors*), политика (*policies*) и время (*time*) [13]. Первые четыре переменные связаны со временем, время – важный фактор прогресса в интеграции.

В большей степени продолжительность проживания в стране приёма связывают со структурными аспектами¹ процесса интеграции мигрантов. В эмпирических исследованиях показано положительное влияние длительного проживания (более 10 лет) на интеграцию в социальную, трудовую и экономическую сферы жизни принимающего общества [15; 16]. Например, улучшения в интеграции с течением времени были описаны для мигрантов в Великобритании в отношении знания языка и занятости [2; 17]. В исследовании Э. Селы, Е. Амбросети и Т. Фоккема показано влияние длительности проживания на транснационализм [18]. Авторы приходят к выводу, что экономическая интеграция мигрантов положительно связана с транснационализмом, в то время как социокультурная сопровождается ослаблением транснациональных практик.

Помимо объективных параметров интеграции изучается субъективное благополучие мигрантов, удовлетворённость жизнью в новой стране

¹ Разделение на культурные и структурные компоненты моделей интеграции мигрантов предложил Л. Элдерино [14]. Первые включают культурные шаблоны (поведение, роли, отношения и т. п.), вторые – вхождение в институты принимающего общества.

[19]. Влияние длительности проживания на эти процессы противоречно. Одни исследования демонстрируют положительную связь [20], другие утверждают, что продолжительность проживания в стране не связана с удовлетворённостью жизнью мигрантами [21], третьи и вовсе обнаруживают, что удовлетворённость жизнью со временем уменьшается [22].

Длительность проживания в стране приёма неоднозначно влияет и на другие показатели интеграции. Например, обнаружено отсутствие связи между продолжительностью проживания и обретением социальных связей для латиноамериканцев в США [23].

Следует учитывать, что описанные выше исследования сосредоточены на первом поколении мигрантов, в других случаях в аналитические модели должен включаться возраст прибытия в принимающую страну.

Особняком стоят исследования, посвящённые сложности самого понятия времени и темпоральности в миграционных исследованиях. Центральными темами в них выступают временные «границы» и структуры времён в миграции (исчерпывающий обзор см.: [24]).

Итак, влияние длительности проживания на процесс интеграции мигрантов неоднозначно. Х. Эссер сделал весьма важный вывод о том, что «интеграция мигрантов является результатом процесса, происходящего при определённых условиях... а отнюдь не в результате временно-автоматического процесса» [12, с. 80]. Эти «определённые условия» следует проверять в моделях исследования интеграции мигрантов в разных социальных контекстах. В данной статье мы намерены рассмотреть взаимосвязь длительности проживания и миграционных стратегий иностранных граждан в России с различными аспектами их социальной и культурной интеграции.

Концептуальная модель, методика и эмпирическая база исследования

Интеграция в данном исследовании понимается как процесс встречного движения культур принимающего социума и мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу [25, с. 416]. Мы исходим из признания неравномерности этого процесса в разных сферах жизни (политико-правовой, социально-экономической, культурно-идентификационной).

Эмпирическую основу составили данные общероссийского опроса трудовых мигрантов (иностранцев граждан), проведённого Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) по заказу

НИУ «Высшая школа экономики» в 2017 году в 19 регионах России (рук. В. И. Мукомель, общий объем выборки – 8577 респондентов). Отбор респондентов из числа граждан стран бывшего СССР производился методом квотной выборки, для формирования которой использовались данные Главного управления МВД по вопросам миграции. В основу распределения квот выборочной совокупности была положена представленность граждан того или иного государства в числе стоящих на миграционном учёте.

Несмотря на то, что в распоряжении автора имеются и более поздние опросные данные мигрантов, описанная выше база была использована по двум основным причинам (помимо масштабности выборки): 1) она содержит наиболее полные данные (необходимые переменные) по изучаемой теме; 2) пандемия коронавируса внесла коррективы в трансграничные перемещения (ввиду закрытия государственных границ) и в последних опросах мигрантов не задавался вопрос о недавних визитах на родину.

Использовался метод, который в миграционных исследованиях называют синтетический когортный анализ [26, с. 122–123], т. е. данные были смоделированы во временном выражении, чтобы проанализировать их взаимосвязи с параметрами интеграции. В исследованиях интеграции мигрантов с течением времени использовались разные временные интервалы. Сравнение групп со стажем до 5 лет, от 5 до 10 лет и более 10 лет считается достаточным, мы остановились на таком же распределении. Для группировки использовалась переменная «В каком году после 1991 Вы приехали в Россию на 3 месяца и более?». Учитывая характер миграции на постсоветском пространстве (упрощённый миграционный обмен), мы также применили разделение на долгосрочных и циркулярных мигрантов¹ с помощью переменной «Когда Вы последний раз выезжали на родину на 3 месяца и более?». Дополнительный «слой» долговременности актуален в российском контексте, поскольку зачастую циркулярная трудовая миграция совершается на протяжении многих лет с преимущественным нахождением в России. Из анализа были исключены только респонденты, относящиеся к новоприбывшим временным мигрантам – приехавшие в Россию первый раз в течение года, предшествовавшего опросу. После исключения новоприбывших мигрантов итоговая подвыборка исследования составила 7417 респондентов².

¹ К долгосрочным мигрантам относятся не выезжающие год и более, к циркулярным – проводящие в России не более года. Категории долговременности миграции выделил В. И. Мукомель.

² Отметим, что исключение из выборки новоприбывших мигрантов не оказало влияния на представленность в итоговой подвыборке граждан той или иной страны (разница в пределах 1,5%).

За основу исследования взята модель, предложенная Х. Эссером [12]¹, в которой помимо параметров интеграции с проверенными (методом подтверждающего факторного анализа) связями учтены и «соответствующие условия», в которых она происходит (ввиду каузальности связей различных параметров интеграции друг с другом). Указанная модель была трансформирована под нужды и контекст исследования с учётом особенностей миграции в российском контексте и опорой на опыт исследований автора. Также была изменена терминология. Эссер называет выведенные из нескольких параметров показатели интеграции конструктами, а их значения – индексами. Мы будем придерживаться понятия «индикаторы интеграции».

На рисунке 1 представлена общая концептуальная модель исследования.

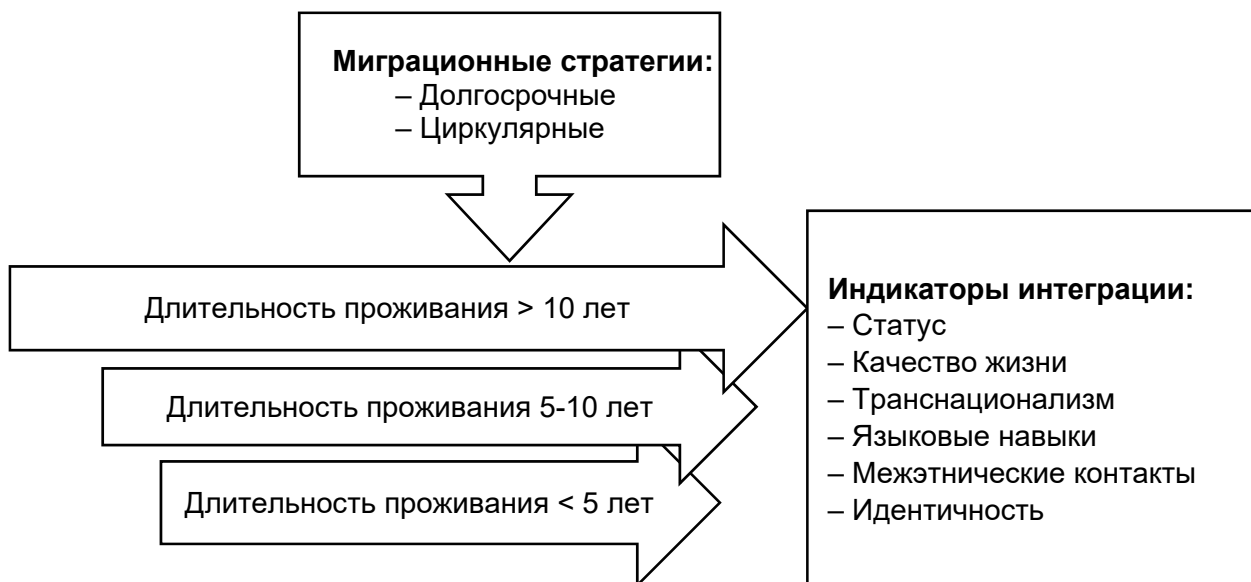

Рис. 1. Концептуальная модель исследования

Операционализация шести генерализованных индикаторов интеграции мигрантов проводилась по отдельным переменным (см. табл. 1). Для «соответствующих условий» интеграции добавлены экзогенные переменные «мотивация» и «образование». Мотивация представляет собой изначальные пожелания мигрантов остаться в принимающей стране или спустя время вернуться на родину. Образование используется как мера определённых когнитивных навыков, фактор, ранее доказавший своё влияние на различные показатели прогресса в интеграции.

¹ Модель исследования интеграции мигрантов Х. Эссера, несмотря на давность публикации, по сей день является одной из наиболее важных работ по данной теме с наиболее полным необходимым перечнем эмпирически проверенных индикаторов интеграции.

Операционализация индикаторов интеграции и их индексов

Генерализованные индикаторы интеграции	Операционализация индикаторов и их индексов по уровням низкий-высокий
<i>Эндогенные индикаторы</i>	
Статус	Профессиональный статус ¹ <i>Высокий индекс – уровни 1–8 по ISCO</i> <i>Низкий – уровень 9 по ISCO</i>
Качество жизни	Наличие отдельного жилья или его часть (включая общежитие) Проживание с семьёй или посторонними людьми <i>Высокий индекс – живут в отдельном доме/квартире и проживают одни/с семьёй</i> <i>Низкий – все остальные комбинации переменных (например, жильё отдельное, но делят его с посторонними)</i>
Транснационализм	Общение с семьёй, родственниками на родине Денежные переводы (ремиттансис) <i>Низкий индекс – общаются с семьёй не реже каждой недели и посылают деньги</i> <i>Высокий – остальные комбинации переменных</i>
Языковые навыки	Владение русским языком (оценка интервьюера) Фильтр – респонденты с неродным русским <i>Высокий индекс – оценка 4–5</i> <i>Низкий – оценка 1–3</i>
Межэтнические контакты	Состав рабочих коллективов <i>Высокий – в коллективе есть местные жители</i> <i>Низкий индекс – работают с иностранцами</i>
Идентичность	Ощущение близости с гражданами России Намерение получить гражданство РФ <i>Высокий индекс – часто и иногда ощущают близость с гражданами России и намерены получить гражданство</i> <i>Низкий – остальные комбинации переменных</i>
<i>Экзогенные индикаторы</i>	
Мотивация	Жизненные планы и намерения в начале миграции <i>Высокий индекс – намерение остаться в России навсегда</i> <i>Низкий – все остальные намерения (в т. ч. поработать и вернуться, постоянно ездить)</i>
Образование	Уровень образования <i>Высокий индекс – выше среднего общего</i> <i>Низкий – среднее общее и ниже</i>

Ввиду каузальности связей между анализируемыми индикаторами интеграции, нужно смотреть не только на прямое изменение тех или иных параметров во времени, но и учитывать условия, в которых происходит этот процесс. В исследовательском подходе, предложенном Х. Эссером,

¹ Деление по индикатору статуса выполнено в соответствии с международной стандартной классификацией занятий (ISCO, 2008) (см: [27; 28]).

на адекватность проверялись не только модели интеграции, но и их «соответствующие условия» для отдельных аспектов (в нашем случае – генерализованных индикаторов) интеграции как с точки зрения статистической корректировки, так и позиции теоретической достоверности. Это даёт возможность понять, исчезает ли взаимосвязь времени и изучаемых факторов интеграции при проверке «соответствующих условий». «Соответствующие условия»¹ для каждого генерализованного индикатора интеграции обозначены в таблице 2.

При статистической обработке данных методом анализа сопряжённости существуют довольно узкие пределы использования переменных. По этой причине «соответствующие условия» по каждому индикатору были сведены в индексы. То есть переменные условий суммировались на основе индексов из таблицы 1, затем трихотимизировались на плохие, средние и хорошие в соответствии с частотными распределениями (см. табл. 2).

Таблица 2

*Соответствующие условия интеграции
для генерализованных индикаторов интеграции*

Генерализованные индикаторы интеграции	Индикаторы «соответствующих условий»	Частотные распределения «соответствующих условий», %
Статус	Мотивация Уровень образования	Плохие – 36,4 Средние – 44,2 Хорошие – 19,4
Качество жизни	Мотивация Уровень образования Статус	Плохие – 11,6 Средние – 75,7 Хорошие – 12,7
Транснационализм	Мотивация Качество жизни	Плохие – 46,7 Средние – 35,6 Хорошие – 17,7
Языковые навыки	Мотивация Уровень образования Статус Транснационализм	Плохие – 38,2 Средние – 33,7 Хорошие – 28,1
Межэтнические контакты	Транснационализм Языковые навыки	Плохие – 29 Средние – 49,9 Хорошие – 21,1
Идентичность	Качество жизни Языковые навыки Межэтнические контакты	Плохие – 15,6 Средние – 72 Хорошие – 12,3

¹ Обоснование формирования «соответствующих условий» для каждого индикатора интеграции смотри: [12, с. 86–90]. Проверка условий для введённого в нашу модель индикатора «транснационализм» вместо индикатора «десегрегация» у Эссера осуществлена автором на основе факторного анализа.

Такой анализ обеспечивает динамическую перспективу и способен отделить фактор времени проживания и миграционных стратегий от других факторов. Модель исследования способна проанализировать потенциальные нелинейные модели включения мигрантов, учитывая, что интеграция может замедляться или ускоряться в разное время, быть неоднородным процессом в зависимости от условий. Эмпирический анализ взаимосвязи длительности проживания с обозначенными выше генерализованными индикаторами интеграции проводится в два основных этапа: первый посвящён выявлению простых прямых взаимосвязей, второй – взаимосвязей с учётом «соответствующих условий».

Результаты

1. Интеграция и время: линейные взаимосвязи и роль миграционных стратегий

Вначале разберём взаимосвязь длительности проживания с отдельными индикаторами интеграции, входящими в состав генерализованных индикаторов. Результаты в таблице 3 демонстрируют линейную статистически значимую связь длительности проживания со всеми индикаторами интеграции кроме статуса и межэтнических контактов. Улучшение качества жизни происходит после 10 лет от начала миграции, в то время как языковые навыки улучшаются уже через пять лет. Отчуждение от общества (когда мигрант не ощущает с ним связи) начинает снижаться только после 10 лет проживания. Сомнения в получении гражданства РФ несколько усиливаются через 5–10 лет после миграции, но потом заметно снижаются. Показатели транснационализма (общение с родиной и ремиттанс) также наиболее высокие в период через 5–10 лет после начала миграции/переезда, затем их «плотность» уменьшается.

Агрегируя показатели в генерализованные индексы интеграции, мы делили их на две категории: высокий и низкий индекс (см. табл. 1), далее речь пойдёт только об изменениях высоких индексов как индикаторах успешности интеграционного процесса. Взаимосвязь генерализованных индикаторов интеграции с длительностью проживания также показывает отсутствие значимости в изменении статуса и межэтнических контактов, линейный прогресс в языковых навыках и заметное после 10 лет проживания улучшение качества жизни. Индикаторы транснационализма и идентичности меняются волнообразно – они высоки¹ в первые годы после начала миграции, потом идут на спад, а затем снова увеличиваются (см. табл. 4).

¹ Напомним, что высокий индекс по индикатору «транснационализм» означает низкий уровень транснациональных связей (более редкое общение с родиной вкупе с отсутствием ремиттансов).

Таблица 3

Взаимосвязь длительности проживания с отдельными показателями интеграции

Индикаторы интеграции	Продолжительность проживания			χ^2	N
	< 5 лет	5–10 лет	> 10 лет		
<i>Профессиональный статус:</i> 9 уровень ISCO	33,3	31,9	32	1,364	2190
1–8 уровни ISCO	66,7	68,1	68		4548
<i>Качество жизни:</i> есть отдельное жильё	43,5	44,4	50,6	34,278***	3404
Нет отдельного жилья (включая проживание в общежитии)	51,4	50,8	43,9		3605
Живут одни или с родными	69,5	70,9	75,5	25,209***	5314
Живут с посторонними людьми	30,5	29,1	24,4		2079
<i>Транснационализм:</i> общаются с семьёй каждый день или каждую неделю	77,8	81,3	75,3	23,519***	5670
Посылают деньги на родину	60,5	72,8	65,9	80,754***	4795
<i>Языковые навыки:</i> оценка 1–3	52,5	41,6	31,9	143,456***	2046
<i>Межэтнические контакты:</i> работают с иностранцами	37,5	40,1	39,6	3,649	2611
<i>Идентичность:</i> никогда не ощущают близости с россиянами	21,3	21,5	18,1	11,106**	1504
Не планируют получать гражданство РФ	68,0	72,1	59,1	90,584***	4912

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Таблица 4

Взаимосвязь генерализованных индексов интеграции с продолжительностью проживания, %

Генерализованные индикаторы интеграции	Продолжительность проживания			χ^2	N
	< 5 лет	5–10 лет	> 10 лет		
Статус: <i>высокий индекс</i>	66,7	68,1	68	1,364 (0,506)	4548
Качество жизни: <i>высокий индекс</i>	35	35,5	43,2	44,051***	4599
Транснационализм: <i>высокий индекс</i>	48	35,6	43,3	77,373***	3190
Языковые навыки: <i>высокий индекс</i>	47,5	58,4	68,1	143,456***	2797
Межэтнические контакты: <i>высокий индекс</i>	62,5	59,9	60,4	3,640 (0,161)	4100
Идентичность: <i>высокий индекс</i>	36,1	31,8	42,4	55,689***	2739

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Приведённые выше распределения показаны лишь как начальные данные, на которые далее следует «наслаивать» дополнительные факторы и условия. В российском контексте это будет в первую очередь тип миграции – в ситуации упрощённых миграционных обменов с основными странами-донорами (безвизовый режим) долгосрочность миграционных стратегий может играть значимую роль в интеграционных процессах, по крайней мере об этом говорится в исследованиях отечественных учёных [29].

Таблица 5

Взаимосвязь генерализованных индексов интеграции с продолжительностью проживания по типу миграционных стратегий, %

Генерализованные индикаторы интеграции	Миграционные стратегии и продолжительность проживания (лет)					
	Долгосрочные			Циркулярные		
	< 5	5–10	> 10	< 5	5–10	> 10
Статус: высокий индекс	66,8	68,8	66,8	66,5	67,5	68,9
N	2087			2461		
χ^2	1,065			1,599		
Качество жизни: высокий индекс	43,3	42,3	54,4	26,1	30,7	33,7
N	1616			1178		
χ^2	39,848***			18,655***		
Транснационализм: высокий индекс	55,4	42,4	51,7	40,2	30,7	36,2
N	1777			1413		
χ^2	37,062***			25,699***		
Языковые навыки: высокий индекс	49,1	61	71,8	46,2	57,6	65,3
N	1235			1562		
χ^2	77,178***			68,652***		
Межэтнические контакты: высокий индекс	64,6	59,8	62	60,3	60	59,1
N	1974			2126		
χ^2	5,086*			0,429		
Идентичность: высокий индекс	25,7	25,3	32	14,7	14,1	22,2
N	961			668		
χ^2	15,860***			37,855***		

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Данные в таблице 5 демонстрируют различия в значениях индексов интеграции у долгосрочных и циркулярных мигрантов и, соответственно, величину динамики изменений во времени, однако тенденции этих изменений и их статистическая значимость чаще всего совпадают. Так, языковые навыки планомерно улучшаются с увеличением времени проживания и у долгосрочных, и у циркулярных мигрантов, причём раз-

рыв в самих значениях индексов не более 5%. Положительные изменения в идентичности происходят и у тех, и у других после 10 лет от начала миграции. Качество жизни долгосрочных мигрантов выше во все изучаемые временные отрезки (43–54% имеют высокий индекс по этому индикатору). У циркулярных мигрантов они изменяются плавно во всех трёх временных отрезках, а у долгосрочных значительно (на 10%) улучшаются после 10 лет проживания. Транснационализм ожидаемо более присущ циркулярным мигрантам, но у обеих групп он изменяется в разные годы с одинаковой (волнообразной) тенденцией. Профессиональный статус с длительностью проживания значимо не связан ни у долгосрочных, ни у циркулярных мигрантов. Однако у долгосрочных мигрантов возникает статистически значимая связь длительности проживания с межэтническими контактами, хотя динамику изменений сложно назвать заметной.

Проанализированные связи уже показывают определённые устойчивые закономерности. Улучшения в языковых навыках, качестве жизни и идентичности действительно могут происходить в зависимости от длительности проживания. Транснационализм также меняется с течением времени, однако эти изменения нелинейны. Улучшение статуса едва ли связано со временем, переведённым в стране приёма, как и прогресс в межэтнических контактах.

Добавление к анализу типа миграционных стратегий (долгосрочные и циркулярные) не столь существенно меняет картину, как того можно было ожидать. Статистическая значимость изменений индикаторов интеграции в зависимости от времени проживания фактически совпадает у этих двух групп, различаются лишь темпы изменений.

2. Прогресс интеграции во времени: генерализованные индикаторы и их «соответствующие условия»

Анализ изменения индикаторов интеграции в зависимости от длительности проживания в связке с «соответствующими условиями» (см. табл. 2) для каждого индикатора (без деления на долгосрочных и циркулярных мигрантов) вносит коррективы в значимость их изменений во времени (см. табл. 6). Так, при хороших условиях изменения в качестве жизни не значительны и не значимы, как и изменения идентичности – оба этих индикатора изначально имеют более высокие значения (чем при плохих и средних условиях) и сохраняются (чуть улучшаясь) в процессе проживания. Идентичность при плохих условиях меняется медленнее всего. Также только при хороших условиях статистически значима динамика

в межэтнических контактах. Изменения в транснационализме и языковых навыках происходят с одинаковыми тенденциями, но с разными значениями индексов. Индикатор статуса стабильно остаётся неизменным во времени даже при добавлении условий интеграции.

Таблица 6

Изменения индикаторов интеграции во времени в зависимости от «соответствующих условий»

Генерализованные индикаторы интеграции	«Соответствующие условия» для индикаторов интеграции и продолжительность проживания (лет)								
	плохие			средние			хорошие		
	< 5	5–10	> 10	< 5	5–10	> 10	< 5	5–10	> 10
Статус: высокий индекс	68,2	68,9	67,8	65,4	67,8	68,3	66,8	66,7	67,5
N	1692			2003			853		
χ^2	0,253			2,252			0,078		
Качество жизни: высокий индекс	17,7	28,9	35,3	31,4	33,2	39,8	58,9	56,5	57,4
N	210			1762			493		
χ^2	21,917***			29,185***			0,317		
Транснационализм: высокий индекс	35,6	24,2	27,8	52,4	41,7	48,7	72,2	65,5	65
N	1033			1266			881		
χ^2	40,464***			19,255***			9,961**		
Языковые навыки: высокий индекс	42,9	53,5	61,1	51,7	61,4	72	60	70,4	75,8
N	1101			931			543		
χ^2	53,135***			44,879***			16,068***		
Межэтнические контакты: высокий индекс	52,5	54,1	54,2	54	54,5	57	57,1	65,7	56,4
N	720			1254			509		
χ^2	0,349			1,646			5,832*		
Идентичность: высокий индекс	18,4	16	24,8	20,4	24,4	33,8	45,7	46,2	53,8
N	233			843			272		
χ^2	4,644*			52,782***			3,277		

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Добавление к условиям интеграции типа миграции как ещё одного дополнительного параметра (см. табл. 7) позволяет уточнить выводы из предыдущей таблицы.

При хороших условиях у долгосрочных мигрантов изменения во времени всех изучаемых генерализованных индикаторов становятся статистически незначимыми. При таких же условиях у циркулярных мигрантов значимые временные изменения происходят только в языковых навыках и межэтнических контактах. В средних (нормальных) условиях значимость изменений индикаторов во времени сохраняется такая

же, как и без разделения на долгосрочных и циркулярных (изменения не происходят в статусе и межэтнических контактах). В плохих условиях изменение идентичности во времени у долгосрочных мигрантов статистически не значимо (см. табл. 7).

Таблица 7

Изменения индикаторов интеграции во времени в зависимости от «соответствующих условий» и типа миграционных стратегий

Генерализованные индикаторы интеграции	Миграционные стратегии и продолжительность проживания (лет)							
	Долгосрочные				Циркулярные			
	< 5	5–10	> 10	χ^2	< 5	5–10	> 10	χ^2
Плохие условия								
Статус	70,8	69,9	67	1,226	66,2	68,4	68,4	0,738
Качество жизни	17,5	38,1	44,6	19,531***	17,8	24,1	29,1	5,716*
Транснационализм	40,6	26,8	29	23,370***	32,1	22,9	27,2	16,063***
Языковые навыки	40,9	53,4	65,3	32,811***	42,6	53,5	58,6	23,131***
Межэтнические контакты	49,2	47,6	48,6	0,098	54,9	58	57,1	0,609
Идентичность	21,6	27,1	32,8	3,064	15,8	8,6	19,3	5,545*
Средние условия								
Статус	64,2	66,9	68,3	1,881	66,5	68,4	68,2	0,59
Качество жизни	39,1	38	50,8	29,973***	24,2	30,1	31,1	13,2**
Транснационализм	57,9	47,1	57	10,786**	45,8	37,2	40,8	6,581**
Языковые навыки	52,3	63,8	74,4	23,306***	51,1	59,9	70,2	22,237***
Межэтнические контакты	54,8	55,6	57,6	0,541	53,4	53,8	56,6	1,115
Идентичность	24,3	31,5	41	28,294***	17,6	19,8	28,8	26,239***
Хорошие условия								
Статус	66,4	71,3	64	2,276	67,6	60,7	72,2	4,446
Качество жизни	64,4	65,1	66,9	0,268	46,2	43,7	45,8	0,121
Транснационализм	73,6	65,5	68,6	4,459	68,2	57,7	58,3	4,192
Языковые навыки	68,3	73,8	78,4	3,56	51,7	66,7	73,2	14,135**
Межэтнические контакты	53,6	59,8	59	1,383	61,6	72,7	52,9	10,663**
Идентичность	47,1	51,7	61,2	4,235	44,3	41,1	43,6	0,196

Примечания: 1) по всем индикаторам представлены значения высокого индекса; 2) * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

В результате отметим, что улучшение статуса и изменение частоты межэтнических взаимодействий не связано с длительностью проживания даже при включении в анализ «соответствующих условий» интеграции. Единственное исключение: в хороших условиях после пяти лет прожи-

вания могут увеличиться межэтнические контакты. Изменение статуса и увеличение межэтнических взаимодействий, очевидно, зависят (за упомянутым исключением) от других факторов, оставаясь фактически неизменными при разных условиях. Добавление в анализ типа миграционных стратегий ситуации не меняет, опять же, за единственным исключением в виде значимости межэтнических контактов циркулярных мигрантов в хороших условиях – они нарастают после пяти лет пребывания и идут на спад после 10 лет миграционной «карьеры».

Значительно более дифференцированная картина наблюдается в отношении языковых навыков, транснационализма, качества жизни и идентичности. В овладении языком при любых условиях видна сильная и последовательная связь с длительностью проживания. Однако время работает в дополнение к другим факторам, значимость которых сохраняется на разных этапах проживания. В хороших и средних условиях языковые навыки, будучи и так на довольно высоком уровне, улучшаются ещё сильнее, в плохих условиях после 10 лет проживания они едва ли лучше, чем в хороших условиях в начале пребывания. Причём в плохих и средних условиях это работает одинаково и для долгосрочных, и для циркулярных мигрантов. В хороших условиях у циркулярных мигрантов улучшение языковых навыков значительно не уступает долгосрочным (у долгосрочных изменения заметны, но становятся статистически не значимыми).

Взаимосвязь времени с изменением качества жизни остаётся значимой при плохих и средних условиях, в обоих случаях происходит планомерное улучшение этого индикатора. Однако даже после 10 лет проживания в плохих или средних условиях мигрантам не удаётся достичь того уровня, который есть при хороших условиях в начале миграции. В этом случае начальный уровень качества жизни настолько высок, что в дальнейшем уже едва ли может стать лучше. Вместе с тем долгосрочные мигранты при всех категориях условий добиваются большего прогресса в улучшении качества жизни, чем циркулярные.

Транснациональные связи при всех типах условий имеют тенденцию усиливаться после длительного проживания в чужой стране, особенно в перспективе 5–10 с начала миграции (высокий индекс по этому показателю уменьшается). Однако в плохих условиях теснота контактов фактически в два раза выше, чем в хороших. Разделение на долгосрочных и циркулярных мигрантов ещё больше дифференцирует «плотность» транснационализма, а значимость времени при таком делении в хороших условиях и вовсе исчезает. То есть главный фактор сохранения тесных транснациональных связей с течением времени – это циркулярная миграция в плохих условиях.

Последняя переменная, идентичность, заслуживает особого внимания как один из значимых маркеров интеграционных намерений мигрантов. Значимость времени в формировании российской идентичности исчезает при хороших условиях. В этом случае уже в начале миграции идентичность находится на довольно высоком уровне, недостижимом при других условиях. А если мы говорим о долгосрочной миграции в хороших условиях, то этот уровень ещё выше. При циркулярной миграции в хороших условиях может быть достигнут уровень идентичности с принимающим обществом, характерный для долгосрочных мигрантов в средних условиях. В плохих условиях отчуждение от принимающего общества слишком велико, чтобы иметь сильные изменения во времени, особенно при циркулярной миграции.

Обсуждение и выводы

Изначально поставленный в статье вопрос о связи длительности проживания с различными аспектами интеграции мигрантов уже содержал предположение о том, что время неодинаково работает в этом процессе.

Отсутствие значимости взаимосвязи времени с изменениями статуса и установлением межэтнических контактов наблюдается и в простых линейных распределениях, и при добавлении в анализ «соответствующих условий» интеграции и типа миграционных стратегий (долгосрочные или циркулярные). То есть улучшения в статусе не происходят со временем, а его значения не дифференцируются ни при разных условиях, ни по типу миграции. Некоторые исключения для межэтнических контактов, такие как долгосрочная миграция (без добавления условий) или хорошие условия (при их включении в анализ) говорят о том, что для прогресса в социальных взаимодействиях мигрантов и местных жителей важны благоприятные, вероятно даже специально созданные, условия.

Для таких переменных, как языковые навыки, качество жизни, транснационализм и идентичность наблюдаемые связи между интеграцией и длительностью проживания не исчезают (частично или полностью) при добавлении в анализ «соответствующих условий». Овладение языком принимающей страны при любых условиях и типе миграции требует времени. Длительное проживание, работающее в дополнение к другим условиям, показывает, что знание языка – это также результат способностей и навыков, поскольку при хороших условиях уровень в начале миграции равен уровню после 10 лет проживания в плохих условиях.

Схожие выводы получены о качестве жизни: улучшения происходят со временем при любых условиях, однако добиться одинаковых уровней довольно сложно. То есть любой, кто в течение длительного времени находится в принимающем обществе в плохих условиях постепенно улуч-

шает качество своей жизни, но эти значения всё равно значительно ниже, чем при хороших условиях.

Транснационализм, устойчиво показывающий связь с продолжительностью проживания, очевидно требует более детального анализа, поскольку имеет волнообразный характер – его пик приходится на период 5–10 лет после начала миграции и потом идёт на спад. Вероятно, усиливаясь в период приспособления к принимающему обществу, транснациональные связи ослабевают после 10 лет проживания у тех, кто не мигрировал обратно (или не прекратил поездки в случае циркулярной миграции). Очевидно, существуют и другие процессы (помимо изученных «соответствующих условий»), влияющие на ослабление транснациональных связей, например, пролегающие в сфере личных взаимоотношений, семейных традиций, групповых связей.

Формирование чувства сопричастности с принимающим социумом и желание остаться связаны с длительностью проживания частично. Время может влиять на прогресс индикатора идентичности в плохих или средних условиях, в хороших же – уровень сопричастности высокий уже в начале миграции, причём и у долгосрочных, и у циркулярных мигрантов. В плохих условиях, особенно при циркулярной миграции, простая продолжительность миграционной «карьеры» едва ли может помочь преодолеть отчуждение от общества. Это подтверждает выводы других исследований о том, что идентичность принимающего общества формируется во многом на основе структурного положения в чужой среде, отсутствия социальной изоляции.

Предположение об отказе в интеграции для «временных» и «мобильных» [29] весьма спорно, поскольку даже для мигрантов как минимум один раз в год (или больше) уезжающих на несколько месяцев на родину прогресс в интеграции происходит с течением времени, особенно в хороших и средних «соответствующих условиях». Государственная темпоральность [30] в ситуации упрощённых миграционных обменов на постсоветском пространстве позволяет мигрантам осуществлять подобные временно-постоянные стратегии.

Интеграция мигрантов не является самопроизвольным процессом, обусловленным исключительно временным фактором. «Время» действует «совместно» с контекстом миграции, мотивацией субъектов, их индивидуальными возможностями и доступными ресурсами, определяющими траекторию и темпы интеграционных процессов. Время служит фоном, на котором разворачиваются эти действия, и обеспечивает возможность их постепенной реализации. Таким образом, время не является изолированным фактором, но выступает элементом динамичной системы интеграции, тесно переплетённым с действиями мигрантов и воздействием окружающей среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Ager A., Strang A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21, № 2. P. 166–191. DOI [10.1093/jrs/fen016](https://doi.org/10.1093/jrs/fen016).
2. Kearns A., Whitley E. Getting There? The Effects of Functional Factors, Time and Place on the Social Integration of Migrants // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2015. Vol. 41, № 13. P. 2105–2129. DOI [10.1080/1369183X.2015.1030374](https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1030374).
3. Park P. Race and Culture. Glencoe : Free Press, 1950. 400 p.
4. Gordon M. Assimilation in American Life. New York : Oxford University Press, 1964. 288 p. ISBN 9780195008968.
5. Glazer N., Moynihan D. Beyond the melting pot: the Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. Cambridge, MA : MIT Press, 1970 (1963). 363 p. ISBN 978-0262570220.
6. Glick Schiller N., Basch L., Szanton-Blanc C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered / Ed. by N. Glick Schiller, L. Basch, C. Szanton-Blanc. N.Y. : New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.
7. Pieterse J. Global Multiculture, Flexible Acculturation // Globalization. 2007. Vol. 4, № 1. P. 6579. DOI [10.1080/14747730701245616](https://doi.org/10.1080/14747730701245616).
8. Миграция населения: теория и политика : учебное пособие / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, В. И. Мукомель [и др.]. Москва : Экономическое образование, 2012. 364 с. ISBN 978-5-7425-0160-2. EDN [UXNSRN](https://www.edn.ru/uxnsrn). [Vorobyova O.D., Topilina A. V. eds. Population migration: theory, politics: Textbook. Moscow: Экономическое образование; 2012. 364 p. (In Russ.)].
9. Кузнецов И. М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся: ежегодник. 2008. № 7. С. 273–288. EDN [PBVCHD](https://www.edn.ru/pbvchd). [Kuznetsov I. M. Migrants in the metropolis and provinces: variability in the implementation of integration potential. *Russia reforming: Yearbook=Rossiia reformiruyushhayasya : ezhegodnik*. 2008;(7):273–288. (In Russ.)].
10. Леденева В. Ю. Формы и модели социальной адаптации и интеграции мигрантов // Политика и Общество. 2015. № 6. С. 717–728. DOI [10.7256/2454-0684.2015.6.10786](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2015.6.10786). EDN [UBIDVL](https://www.edn.ru/ubidvl). [Ledeneva V. Yu. Forms and models of social adaptation and integration of migrants. *Politics and Society=Politika i Obshhestvo*. 2015;(6):717–728. (In Russ.). DOI [10.7256/2454-0684.2015.6.10786](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2015.6.10786)].
11. Кузнецов И. М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы) : автореф. дис... канд. социол. наук : 23.00.02 / Кузнецов Игорь Михайлович ; науч. рук. В. И. Мукомель ; ИС РАН. Москва : 2006. 23 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1840> (дата обращения: 15.02.2024). [Kuznetsov I. M. Adaptation strategies of migrants in a metropolis (using the example of Moscow): abstract of thesis. diss. Ph.D. Official website of IS RAS. 2006. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1840> (accessed: 15.02.2024)].
12. Esser H. Aufenthaltsdauer und die Eingliederung von Wanderern. Zur theoretischen Interpretation soziologischer «Variablen» // Zeitschrift Fur Soziologie. 1981. Jg. 10, № 1. P. 76–97. DOI [10.1515/zfsoz-1981-0105](https://doi.org/10.1515/zfsoz-1981-0105).
13. Kuhlman T. The Economic Integration of Refugees in Developing Countries: A Research Model // Journal of Refugee Studies. 1991. Vol. 4, № 1. P. 1–20. DOI [10.1093/jrs/4.1.1](https://doi.org/10.1093/jrs/4.1.1).

14. *Eldering L.* The Bhojpuri diaspora: A rich field for comparative acculturation research // *Psychology and Developing Societies*. 2005. Vol. 17, № 2. P. 237–247. DOI [10.1177/097133360501700209](https://doi.org/10.1177/097133360501700209).
15. *Stronks K., Ravelli A., Reijneveld S.* Immigrants in the Netherlands: Equal Access for Equal Needs? // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2001. Vol. 55, № 10. P. 701–707. DOI [10.1136/jech.55.10.701](https://doi.org/10.1136/jech.55.10.701).
16. *Boyd C.* Migrants in New Zealand: An Analysis of Labour Market Outcomes for Working Aged Migrants Using 1996 and 2001 Census Data. Wellington : New Zealand Department of Labour, 2003. 66 p. URL: <https://www.mbie.govt.nz/dmsdocument/2648-migrant-outcomes-working-age-migrants-pdf> (дата обращения: 29.01.2024).
17. *Cebulla A., Daniel M., Zurawa A.* Spotlight on refugee Integration: Findings from the Survey of New Refugees in the United Kingdom. London : Home Office, 2010. 27 p. ISBN 9781849872270. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7a1896ed915d6d99f5d1e1/horr37-report.pdf> (дата обращения: 07.02.2024).
18. *Cela E., Fokkema T., Ambrosetti E.* Variation in transnationalism among Eastern European migrants in Italy: the role of duration of residence and integration // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2013. № 13 (2). P. 195–209. DOI [10.1080/14683857.2013.789671](https://doi.org/10.1080/14683857.2013.789671).
19. *Sand G., Gruber S.* Differences in subjective well-being between older migrants and natives in Europe // *Journal of Immigrant and Minority Health*. 2018. Vol. 20, № 1. P. 83–90. DOI [10.1007/s10903-016-0537-5](https://doi.org/10.1007/s10903-016-0537-5).
20. *Ullman C., Tatar M.* Psychological adjustment among Israeli adolescent immigrants: A report on life satisfaction, self-concept, and self-esteem // *Journal of Youth and Adolescence*. 2001. № 30 (4). P. 449–463. DOI [10.1023/A:1010445200081](https://doi.org/10.1023/A:1010445200081).
21. *Murillo J., Molero F.* Relación entre la satisfacción vital y otras variables psicosociales de migrantes colombianos en estados unidos // *Revista Colombiana De Psicología*. 2016. Vol. 25, № 1. P. 15–32. DOI [10.15446/rp.v25n1.44308](https://doi.org/10.15446/rp.v25n1.44308).
22. *Kim I., Noh S.* Changes in life satisfaction among Korean immigrants in Canada // *International Journal of Culture and Mental Health*. 2015. № 8 (1). P. 60–71. DOI [10.1080/17542863.2014.892521](https://doi.org/10.1080/17542863.2014.892521).
23. Contextualizing nativity status, Latino social ties, and ethnic enclaves: An examination of the «immigrant social ties hypothesis» / E. Viruell-Fuentes, J. Morenoff, D. Williams, J. House // *Ethnicity and Health*. 2013. № 18 (6). P. 586–609. DOI [10.1080/13557858.2013.814763](https://doi.org/10.1080/13557858.2013.814763).
24. *Griffiths M., Rogers A., Anderson B.* Migration, Time and Temporalities: Review and Prospect. COMPAS Research Resources Paper. COMPAS, 2013. 31 p. URL: https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/RR-2013-Migration_Time_Temporalities.pdf (дата обращения: 21.02.2024).
25. *Мукомель В. И.* Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // *Россия реформирующаяся : ежегодник*. 2016. № 14. С. 411–467. EDN **WBLZPF**. [Мукомель В. И. Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society. *Russia reforming : Yearbook=Rossiia reformiruyushhayasya : ezhegodnik*. 2016;(14):411–467. (In Russ.)].
26. The effect of length of residence and geographical origin on the social inclusion of immigrants / M. Millán-Franco, L. Gómez-Jacinto, I. Hombrados-Mendieta

- [et al] // Psychosocial Intervention. 2019. № 28 (3). P. 119–130. DOI [10.5093/pi2019a10](https://doi.org/10.5093/pi2019a10).
27. Мукомель В. И. Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 2. С. 31–59. DOI [10.19181/socjour.2020.26.2.7264](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264). EDN UIZFRO. [Mukomel V. I. Highly qualified migrants from post-Soviet states: labor mobility. *Sociological journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2020;26(2):31–59. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2020.26.2.7264](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264)].
28. Mukomel V. I. Labor Mobility of Migrants from the Post-Soviet Expanse States at the Russian Labor Market // Migration from the Newly Independent States / M. Denisenko, S. Strozza, M. Light, eds. Cham : Springer, 2020. P. 187–209. DOI [10.1007/978-3-030-36075-7_9](https://doi.org/10.1007/978-3-030-36075-7_9).
29. Бредникова О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта // The Journal of Social Policy Studies. 2020. Т. 18, № 4. С. 705–720. DOI [10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720). EDN YCCCBY. [Brednikova O. E. Mobile employment of a mobile subject. *The Journal of Social Policy Studies*. 2020;18(4):705–720. (In Russ.). DOI [10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720)].
30. Cwerner S. B. The Times of Migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2001. № 27(1). P. 7–36. DOI [10.1080/13691830125283](https://doi.org/10.1080/13691830125283).

Сведения об авторе

А. А. Эндрюшко

кандидат социологических наук,

научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: [906278](https://elibrary.ru/author_index.action?id=906278)

SPIN-код: [4458-5876](https://elibrary.ru/spin_index.action?id=44585876)

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.7)

DURATION OF STAY AND THE INTEGRATION OF MIGRANTS: (UN)OBVIOUS RELATIONSHIPS

Anna Alexandrovna Endryushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

anna.endryushko@mail.ru,

ORCID [0000-0002-1358-1145](https://orcid.org/0000-0002-1358-1145)

For citation: Endryushko A. A. Duration of stay and the integration of migrants: (un)obvious relationships. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):147–168. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.7).

Abstract. The article presents the results of a study of the relationship between the duration of stay and the type of migration strategies with various aspects of the integration of migrants from post-Soviet states in Russian society. It is analyzed how at different time intervals (up to 5 years, after 5–10 years, after 10 years from the beginning of migration) improvements occur in status, quality of life, transnational connections (in relation to integration, a decrease in their “density”), language skills, interethnic contacts, the formation of Russian identity among long-term and circular external migrants. A research model is used that includes “relevant conditions” for each integration indicator. The empirical basis of the study was based on data from a nationwide survey of labor migrants conducted by the Center for Ethnopolitical and Regional Studies in 19 constituent entities of the Russian Federation (2017, sample of 7417 respondents). The results of the study show that changes in the status and frequency of interethnic contacts are not associated with duration of stay for either long-term or circular migrants, even when integration conditions are added to the analysis. The “density” of transnational connections changes significantly over time (the peak occurs between 5–10 years after the start of migration, and after 10 years it decreases), however, the interpretation of this connection requires further investigation. “Time” is positively related to such indicators of integration as language skills, quality of life, and identity formation. These connections do not disappear when “relevant conditions” of integration are added to the analysis, however, it is concluded that the duration of stay in itself is not a factor in progress in integration, but acts “together” with the context of migration, the motivation of the actors, their individual capabilities and available resources. resources that determine the trajectory and pace of the integration process.

Keywords: migration, integration of migrants, length of residence, long-term migration, circular migration, integration indicators

Information about the Author

A. A. Endryushko

Candidate of Sociology,
Researcher

ResearcherID: [H-8504-2018](#)

Scopus AuthorID: [57208757763](#)

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 16.05.2024.